
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь,
подумаешь о жизни, то умирающей жизни
страшно.

Л. Н. Толстой

Запрещенный, вычеркнутый, забытый...

Редко какой рассказ Михаила Петровича Арцыбашева обходится без печальных размышлений о смерти, о ее роковой неизбежности. А в его романах и повестях она едва ли не главный персонаж. Современники Арцыбашева видели в этом некое отклонение от нормы, нездоровое – то ли от безысходности, овладевшей умом и сердцем писателя, – может быть, и в самом деле так тревожно не задалась его жизнь? – то ли была здесь какая-то интимная тайна его судьбы, которая и в радостях неумолимо возвращала его к последней черте, к скорби ухода. А близко знавшие Михаила Петровича немногословно, как бы только намекая, отмечали, что обе названные причины одинаково несомненны, обе фатально вели его пером.

Однажды и сам Арцыбашев решился на откровенное признание: "Мне только тридцать лет, а когда я оглядываюсь назад, мне кажется, будто шел я по какому-то огромному кладбищу и ничего не видел, кроме могил и крестов. Рано или поздно где-нибудь вырастает новая могила, и каким бы памятником ее ни украсили, простым крестом или гранитной громадой, все равно – это будет все, что от меня останется. В конце концов, это и не важно: и бессмертие вещь скучная, и жизнь мало любопытна. Скверно то, что смерть страшна, и, пожалуй, так и не решишься собственноручно отправить себя к черту; будешь жить долго, долго идти по этому кладбищу, которое называют жизнью, и мимо, бесконечно вырастая, все будут мелькать новые кресты. Все дорогое, все милое останется позади, все приросшее к сердцу отпадет, как листья осенью, и добредешь до конца один как перст" {Арцыбашев М. Собр. соч. 3-е изд. Записки писателя. М.: Московское книгоиздательство, 1917. Т. 3. С. 230.}.

Написал эти невеселые слова ставший уже знаменитым Михаил Петрович Арцыбашев в 1909 году, только что проводив в последний путь Василия Васильевича Башкина – своего товарища, сподвижника по служению литературе. В очерке "Смерть Башкина", пожалуй, впервые мы узнаем дотоле тщательно скрываемое, страдальческое – чахотка свела в могилу писателя Башкина, с чахоткой же всю свою недолгую жизнь вел мученическую, мужественную борьбу и Арцыбашев. Видение смерти, однажды в юности поразив, непоправимо ранив его пылкое художническое воображение, отныне сопровождало его во все дни и годы, незримо присутствовало во всех его свершениях и поступках.

И конечно же, в первый черед оно мрачной, пугающей тенью прошлось по всему его творчеству – то празднично-светлому, солнечному, то тягостно-грустному, безысходному. "Соответственно разделились и суждения критиков – его современников: одни восхищенно считали его писателем-солнцепоклонником, певцом любви и вечного торжества жизни; другие же зачислили его в разряд смертяшкиных и гробокопателей, безнравственных проповедников гибели, разрушителей людской морали.

Эти критические ристалища сопровождали Арцыбашева всю жизнь. На какое-то время затихая, они вспыхивали опять и опять: как только в печати появлялся новый его рассказ, новая повесть, новый роман. По количеству о нем написанного Арцыбашев опередил едва ли не всех своих современников: только за девятнадцать лет его творческой деятельности (до вынужденного бегства в изгнание в 1923 году) опубликовано ему посвященных 146 книг и крупных газетно-журнальных статей, помимо бесчисленного числа обзорно-информационных упоминаний по различным поводам. Если раскинуть эти цифры по дням и годам, то получится, что редкая неделя выпадала без того, чтобы где-нибудь и кто-нибудь обязательно или упомянул, или ругнул, или вознес до облаков Михаила Петровича Арцыбашева.

И вдруг эта лавина пылких споров вокруг книг одного из самых популярных беллетристов начала века оборвалась и рассыпалась. Случилось это сразу же после революции 1917-го. Вокруг его недавно звонкого имени наступила в